

РОГОЖИНА Светлана Григорьевна,
старший преподаватель
кафедры правовых, психолого-педагогических
и экономических дисциплин
ФГБОУ ВО «Адыгейский государственный университет»
филиал в г. Белореченске, Россия,
e-mail: mail@law-books.ru

КВАЛИФИКАЦИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШЁННЫХ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА: НОВЫЕ ВЫЗОВЫ ДЛЯ УГОЛОВНОГО ЗАКОНА

АННОТАЦИЯ. Статья посвящена проблемам квалификации преступлений, совершаемых с использованием или посредством систем искусственного интеллекта. Анализируются сложности определения субъекта ответственности при автономных действиях ИИ, установления причинно-следственной связи и вины, а также недостаточность действующих уголовно-правовых норм. Рассматриваются отечественный и зарубежный опыт законодательного регулирования, обосновывается необходимость введения отягчающих обстоятельств и новых составов преступлений, а также адаптации уголовно-правовой доктрины к феномену нечеловеческой агентности. Автор приходит к выводу, что эффективное противодействие данной категории преступлений требует комплексного подхода, сочетающего совершенствование закона, процессуальных механизмов и международно-правовых стандартов при сохранении принципа индивидуальной ответственности человека.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: искусственный интеллект, квалификация преступлений, субъект преступления, причинно-следственная связь, вина, отягчающие обстоятельства, дипфейки, уголовная ответственность, международное уголовное право, цифровые технологии.

ROGOZHINA Svetlana Grigorievna,
Senior Lecturer Department of Legal, Psychological, Pedagogical,
and Economic Disciplines
Adygea State University, Branch in Belorechensk, Russia

CLASSIFICATION OF CRIMES COMMITTED USING ARTIFICIAL INTELLIGENCE: NEW CHALLENGES FOR THE CRIMINAL LAW

ANNOTATION. The article is devoted to the problems of qualification of crimes committed using or through artificial intelligence systems. The difficulties of determining the subject of responsibility in the autonomous actions of AI, establishing a causal relationship and guilt, as well as the insufficiency of existing criminal law norms are analyzed. The article examines the domestic and foreign experience of legislative regulation, substantiates the need to introduce aggravating circumstances and new types of crimes, as well as the adaptation of criminal law doctrine to the phenomenon of inhuman agency. The author concludes that effective counteraction to this category of crimes requires an integrated approach combining the improvement of the law, procedural mechanisms and international legal standards while maintaining the principle of individual responsibility.

KEY WORDS: artificial intelligence, qualification of crimes, subject of crime, causal relationship, guilt, aggravating circumstances, deepfakes, criminal liability, international criminal law, digital technologies.

Современный этап развития общества характеризуется всепроникающим влиянием цифровых технологий, среди которых искусственный интеллект занимает особое место. Будучи способным к автономному принятию решений, обработке огромных массивов данных и имитации когнитивных функций человека, искусственный интеллект открывает беспрецедентные возможности для экономического и социального прогресса. Однако та же самая техно-

логия становится мощным инструментом в руках злоумышленников, порождая новые формы преступной деятельности, которые бросают вызов традиционным институтам уголовного права. Масштаб проблемы подтверждается официальными статистическими данными. По сведениям Министерства внутренних дел Российской Федерации, в 2024 году зарегистрировано 765,4 тысячи преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникацион-

ных технологий или в сфере компьютерной информации, что на 13,1% превышает показатель предыдущего года. Удельный вес таких преступлений в общем массиве увеличился с 34,8% до 40%. При этом значительная часть этих деяний совершается с применением технологий искусственного интеллекта, что существенно трансформирует механизм преступного посягательства и создает дополнительные сложности для правоприменителя [1].

Проблематика уголовно-правовой оценки деяний, связанных с использованием ИИ, находится в фокусе внимания ведущих научных центров мира. Так, Институт Макса Планка по изучению преступности, безопасности и права реализует масштабный исследовательский проект «AI Crime», посвященный анализу феномена вредоносных ИИ-агентов и пределов уголовного права в данной сфере. Актуальность темы признается и на уровне международного права: в *Journal of International Criminal Justice* опубликованы исследования, анализирующие возможность привлечения к ответственности за акты кибер-агрессии, совершенные с использованием ИИ-систем, в контексте Римского статута Международного уголовного суда.

Для целей уголовно-правового анализа представляется необходимым определение того, какие деяния могут быть отнесены к категории преступлений, совершаемых с использованием искусственного интеллекта. Как справедливо отмечается в исследовании, проведенном в рамках проекта Института Макса Планка, не всякий вред, причиненный ИИ-системой, может квалифицироваться как «AI crime». Речь должна идти о ситуациях, когда «агентная» система, способная к автономному достижению целей без постоянного человеческого контроля, действует таким образом, который вступает в конфликт с намерениями разработчиков или пользователей и при этом нарушает уголовно-правовые запреты. Иными словами, преступление с использованием ИИ имеет место тогда и только тогда, когда ИИ-агент совершает деяние, которое, будучи совершенным человеком, составило бы преступление при наличии соответствующей субъективной стороны.

Как верно отмечает Максименко, Д. В., анализ современных способов использования ИИ в преступных целях позволяет выделить несколько форм таких деяний. Во-первых, искусственный интеллект может выступать в качестве инструмента совершения традиционных преступлений. В этом качестве он используется для автоматизации, интенсификации или маскировки уже известных составов. Типичными примерами являются фишинговые атаки с использованием чат-ботов на основе ИИ, персонализирующих сообщения для повышения эффективности обмана; создание дипфейков — реалистичных подделок аудио- и видеоматериалов — для мо-

шенничества, шантажа или распространения заведомо ложных сведений; разработка адаптивного вредоносного программного обеспечения, способного обходить традиционные системы защиты [2].

Во-вторых, развитие ИИ порождает качественно новые виды преступных деяний, которые ранее были невозможны или не имели практического значения. К их числу относятся деяния, совершаемые автономными системами без непосредственного участия человека (например, дорожно-транспортные происшествия с участием беспилотных автомобилей, где причиной вреда послужила ошибка алгоритма); алгоритмическая дискриминация, приводящая к нарушению прав определенных групп лиц в сфере кредитования, трудоустройства или правосудия; манипуляции на финансовых рынках с использованием автономных торговых алгоритмов. Особого внимания заслуживает выделенная в литературе категория «AI crime», связанная с действиями вредоносных ИИ-агентов, чье поведение не только отклоняется от ожиданий разработчиков, но и объективно нарушает уголовно-правовые запреты. В исследовании Института Макса Планка подчеркивается, что такие случаи представляют собой «непредвиденные последствия» автономной деятельности алгоритмов, когда ИИ, реализуя поставленную перед ним задачу, выбирает способы ее достижения, прямо противоречащие закону [3].

Центральной проблемой квалификации преступлений с использованием ИИ остается определение субъекта. В действующем уголовном праве России и большинства стран субъектом признается только физическое вменяемое лицо, а ИИ выступает либо орудием, либо объектом посягательства, но не субъектом ответственности. Однако многие исследователи указывают, что дихотомия «личность – вещь» не позволяет адекватно осмыслить вредоносную нечеловеческую агентность ИИ-систем. Предлагается рассматривать ИИ-агентов как промежуточную категорию акторов: подобно малолетним или невменяемым, они могут действовать объективно умышленно, но не являются виновными и не подлежат наказанию. Ключевое отличие от людей – возможность их ante встраивать в ИИ механизмы правового комплаенса, удерживающие от нарушений. В этой логике ответственность несут только те человеческие принципы, которые не реализовали такие механизмы либо неосторожно делегировали ИИ свои полномочия.

В российской доктрине обосновывается необходимость уголовно-релевантного определения ИИ, разграничивающего случаи его использования как «пассивного» орудия и автономных действий, не предопределенных прямым указанием пользователя. В последнем случае традиционная модель вменения неприменима, поскольку причинно-следственная связь опо-

средована непрозрачными алгоритмическими процессами.

Проблема субъекта неразрывно связана с установлением объективной и субъективной сторон. Современные системы машинного обучения, особенно глубокие нейросети, представляют собой «черные ящики», что создает принципиальные трудности для доказывания причинно-следственной связи и вины. Как показывает следственная практика, сложность алгоритмов делает почти невозможным точное установление механизма принятия решения, ставя под сомнение возможность доказывания умысла или неосторожности. Особенно остро это проявляется при «алгоритмической ошибке», когда легитимная ИИ-система по независящим от разработчиков причинам причиняет вред.

Возникает вопрос: это неосторожность разработчика или случай, исключающий человеческий фактор и, следовательно, уголовную ответственность? В южнокорейской литературе справедливо предупреждают, что наказание за непреднамеренный вред от ИИ может затормозить технологическое развитие, требуя взвешенной дифференциации ответственности в зависимости от автономности системы и сферы риска [4].

Актуальной тенденцией стало признание использования ИИотягчающим обстоятельством. В РФ в сентябре 2024 года внесен законопроект № 718538-8 о квалифицирующем признаке использования дипфейков при мошенничестве, поддержанный Верховным Судом, Следственным комитетом и Премьер-министром. Научное обоснование – признание ИИ современным оружием, повышающим общественную опасность: он обеспечивает анонимность, оперативность, масштабируемость и усложняет расследование. Предлагается дополнить статью 63 УК РФ пунктом о совершении преступления с использованием ИИ-технологий, существенно повышающих общественную опасность.

Зарубежный опыт различен: во Франции с 2023 года ужесточено наказание за дипфейки (ст. 226-8-1 УК), в США Минюст рекомендует ужесточать наказание, а дело *United States v. Vasquez* (2024) признало использование дипфейков отягчающим обстоятельством. В Китае с января 2023 года действуют жесткие правила

регулирования технологий глубокого синтеза с уголовной ответственностью. Помимо отягчающих обстоятельств, предлагается ввести новые составы – например, за создание вредоносной ИИ-системы, а также закрепить процессуальные процедуры изъятия и экспертизы алгоритмических моделей как вещественных доказательств [5].

Особую сложность представляют международные преступления с использованием ИИ. В доктрине международного уголовного права обсуждается готовность системы к актам агрессии с участием ИИ – чтобы такие деяния не оказались в «правовой лазейке». Пример – кибератаки 2017 года WannaCry и NotPetya, нанесшие ущерб на миллиарды долларов. NotPetya с ИИ-управляемым ПО распространялась автоматически и неизбирательно, нанеся ущерб, вероятно, превышавший намерения создателей. Это ставит под сомнение применимость классических элементов *actus reus* и *mens rea*: в какой момент деяние можно «редуцировать до человеческой деятельности», а в какой – оно настолько удалено от человека, что вменение невозможно? Исследователи приходят к выводу, что Римский статут в нынешней интерпретации к этому не готов, требуется адаптация норм международного уголовного права с сохранением принципа индивидуальной ответственности.

Проведенный анализ показывает, что развитие искусственного интеллекта создает для уголовного права новые вызовы: неопределенность субъекта ответственности при автономных действиях ИИ, сложность доказывания причинно-следственной связи и вины, недостаточность существующих составов и квалифицирующих признаков. Противодействие этим угрозам требует комплексных мер — введения отягчающих обстоятельств и новых составов (например, за создание вредоносных ИИ-систем), разработки процессуальных механизмов работы с алгоритмами как доказательствами и адаптации доктрины к феномену нечеловеческой агентности. При этом человек должен оставаться конечным носителем ответственности, что предполагает дальнейшую дифференциацию ответственности в зависимости от степени автономности ИИ и формирование международных стандартов в этой сфере.

Список литературы:

[1] Амирова М. Г., Таилова А. Г. Уголовно-правовая ответственность за преступления, совершенные с использованием систем искусственного интеллекта // *Human Progress*. 2025. №5. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ugolovno-pravovaya-otvetstvennost-za-prestupleniya-sovershennyye-s-ispolzovaniem-sistem-iskusstvennogo-intellekta> (дата обращения: 29.06.2026).

[2] Максименко Д. В. Искусственный интеллект в механизме киберпреступлений: проблемы квалификации и прокурорского предупреждения / Д. В. Максименко. — Текст : непосредственный // *Молодой ученый*. — 2026. — № 20 (623). — С. 553-556.

[3] Корбут Н.В. Противоправное использование искусственного интеллекта: уголовно-правовая оценка // *Universum: экономика и юриспруденция : электрон. научн. журн.* 2025. 1(135). URL:

<https://7universum.com/ru/economy/archive/item/21488> (дата обращения: 29.06.2026).

[4] Арзуманян А. Э. Искусственный интеллект в уголовном процессе: необходимость формирования доктринальных дефиниций // Право и политика. 2026. № 1. С. 16-30.

[5] Позднякова К. В. Искусственный интеллект в уголовном праве: возможности и риски // Искусственный интеллект и этика: диалог компьютерных наук, философии и права : сборник научных трудов по материалам Международной научно-практической конференции 15 декабря 2025г. Белгород : ООО Агентство перспективных научных исследований (АПНИ), 2025. С. 22-24.

References:

[1] Amirova M. G., Tailova A. G. Criminal liability for crimes committed using artificial intelligence systems // Human Progress. 2025. No. 5. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ugolovno-pravovaya-otvetstvennost-za-prestupleniya-sovershennyye-s-ispolzovaniem-sistem-iskusstvennogo-intellekta> (accessed: June 29, 2026).

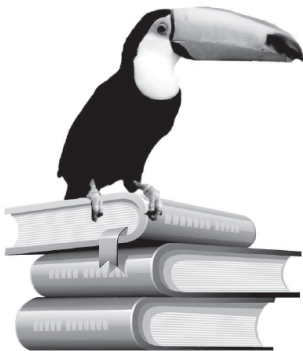
[2] Maksimenko D. V. Artificial intelligence in the mechanism of cybercrimes: issues of legal classification and prosecutorial prevention / D. V. Maksimenko. — Text : direct // Molodoy Ucheny [Young Scientist]. — 2026. — No. 20 (623). — P. 553-556.

[3] Korbut N. V. Unlawful use of artificial intelligence: criminal law assessment // Universum: Economics and Jurisprudence : electronic scientific journal. 2025. 1(135). URL: <https://7universum.com/ru/economy/archive/item/21488> (accessed: June 29, 2026).

[4] Arzumanyan A. E. Artificial intelligence in criminal proceedings: the need to formulate doctrinal definitions // Law and Politics. 2026. No. 1. P. 16-30.

[5] Pozdnyakova K. V. Artificial intelligence in criminal law: opportunities and risks // Artificial Intelligence and Ethics: A Dialogue Between Computer Science, Philosophy, and Law : collection of scientific papers based on the proceedings of the International Scientific and Practical Conference held on December 15, 2025. Belgorod: Advanced Scientific Research Agency LLC (APNI), 2025. Pp. 22-24.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, Е-Library.